

История Забайкалья

The history of the Transbaikal

УДК 392.3 (512.3)

ББК 63.5 (5 Кит)

*Базар Догсонович Цыбенов,
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: bazar75@mail.ru*

К изучению семьи и брака у дауров

Статья является первым отечественным исследованием по истории семейных и брачных отношений у дауров. В ней на основе отечественных и зарубежных источников, полевых материалов автора впервые исследуются такие вопросы, как форма и структура даурской семьи, терминология родства, формы заключения брака, свадебные обряды и церемонии. Выяснено, что у дауров в XIX - середине XX вв. существовала большая патриархальная семья, состоявшая из нескольких поколений родственников и нескольких брачных пар. Традиции большой семьи и принцип патрилинейной экзогамии, согласно данным автора, оказывали огромное влияние на брачные нормы и свадебную обрядность. Впервые выявлены термины родства у дауров, виды кросс-кузенных браков, восходящих к ранним формам брака народов Сибири и Дальнего Востока.

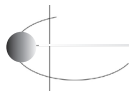
Ключевые слова: дауры, патриархальная семья, терминология родства, моногамия, экзогамия, брак по сватовству, свадебные обряды

*Bazar Dogsonovich Tsybenov,
Candidate of History,
the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: bazar75@mail.ru*

To the Studies of Daur's Family and Marriage

The article is the first Russian research in the history of family and marriage relations of Daur. For the first time in the article such questions as a family form and structure, terminology of relationship, marriage forms, wedding ceremonies based on the Russian and foreign sources, ethnographic materials of the author are discussed. The analysis of the documents leads to the conclusion that at that time (XIX – the middle of the XX century) Daur had the patriarchal family consisting of several generations and some married couples. Traditions of the patriarchal family with a principle of patrilineal exogamy created huge impact on marriage norms and wedding ceremonialism. For the first time relationship terms of Daur, types of cross-cousin marriages, which are going back to early forms of marriage of the peoples from Siberia and the Far East are revealed.

Keywords: Daur, patriarchal family, terminology of relationship, monogamy, exogamy, marriage on courtship, wedding ceremonies

В настоящей работе на основе публикаций отечественных и зарубежных авторов сделана попытка освещения некоторых вопросов развития семьи и брака у дауров. При написании использованы также архивные материалы Б. И. Панкратова и данные этнографических экспедиций 2004–2005 гг. в Хулун-Буирский аймак АРВМ КНР. Хронологические рамки изучения обусловлены доступными источниками и охватывают период с XIX до середины XX вв. В работе затронуты особенности семейно-брачных отношений у групп хайларских, бутхаских и цицикарских дауров.

В XIX – начале XX вв. у дауров существовала большая патриархальная семья, на основе которой появилось большинство даурских селений. По преданию, большие семьи вели происхождение от одного общего мужского предка, основателя селения [5, с. 669]. Предками трёх родов хайларских дауров и соответственно селений Манна, Дэнткэ, Алакчаан, явились прибывшие в 1732 г. для охраны границы в Хулун-Буир из Бутха Го Куйсу из рода говол, Ао Пэнкэбуу (род аола), и Мэн Юшан (род мэрдэн). Сохранились также сведения об основании некоторых близлежащих селений родными братьями. В роде онон насчитывалось семь групп, произошедших от семи братьев. Их селения в Бутха располагались на расстоянии 3–4 км, самые дальние находились в 10 км [инф. И Сун].

Упоминание о большой патриархальной семье у дауров, вероятно, имеется ещё в отписке якутских воевод от 1650 г. о походе Е. П. Хабарова на р. Амур. В ней отмечалось, что в светлицах Лавкаева городка живут человек по шестьдесят и больше. Как известно, большая семья у многих народов насчитывала до нескольких десятков членов. Даурские семьи были также многолюдными, состоявшими из трёх-четырёх поколений и нескольких брачных пар, имеющими значительные площади обрабатываемой земли и большое количество скота. Большая семья состояла из брачных пар четырёх поколений: 1) прадед и прабабка; 2) дед и бабка; 3) отец с матерью; 4) сын и невестка. Сыновья были обязаны заботиться о престарелых родителях, проживать с ними в одном доме. Если сыновей было несколько, престарелого отца в хозяйственных делах заменял старший сын. В случае смерти

последнего обязанности по хозяйству переходили к среднему сыну. Если умирал отец, семью возглавлял старший по возрасту и братья продолжали совместное проживание, ухаживая за матерью. Если сыновей было много, происходило их выделение из большой семьи [пма, инф. Тумуртэй]. При этом женатый сын получал равную с другими сыновьями часть общесемейной собственности. Собственность наследовали только мужчины. Если в семье были только дочери и отец умирал, не разделив предварительно всего имущества между ними, то оно делилось между ближайшими родственниками отца по мужской линии и никогда не переходило к семье его жены [5, с. 668].

Во главе семьи у дауров стоял отец, которому беспрекословно подчинялись все её члены. Он мог единолично распоряжаться семейной собственностью, руководил всеми хозяйственными и другими работами. Никто из членов семьи не имел права перечить ему. Дети, будучи зрелыми, в делах руководствовались отцовским мнением, в его присутствии вели себя с крайним почтением, никогда не смотрели ему прямо в лицо, старались отвести глаза. Запрещалось также произносить его полное имя. Запрет касался всех мужских прародителей, даже старики-дауры не упоминали имён своих отцов и предков. Не обращались по имени к старшим по возрасту родственникам, включая родных братьев и сестер. Мать возглавляла работы по домашнему хозяйству, включая шитьё одежды, доение коров, работу в огороде, сбор ягод. Даже будучи престарелыми, родители руководили семейными делами, мать вила веревки, пряла нитки, заведовала невестками. Отец продолжал управлять всеми семейными делами, повелевал своими младшими и сыновьями [6, с. 56]. Терминология родства у дауров выглядит следующим образом:

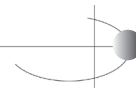
отец: 1) ачаа (цицикар. диал. «хачаа») – в значении «мой отец», слово употреблялось только в семейном кругу; 2) эчиг;

мать: 1) эвээ – «моя мать»; 2) эг;

родители – эг эчиг;

родственники по отцовской линии – хончиг;

родственники по материнской линии – хонжоор таар (др. назв. «ноин таар», «наа-жил»);

дед – утаач (др. назв. «еэ-еэ», с кит. яз. «уе уе»);

бабушка – этээву (др. назв. «тайтии»);

старший брат отца – хигачаа (сокр. «хигчаа»);

жена старшего брата отца – хигэвээ;

младший брат отца – учикчаа (др. назв. «эхкээ», «эчикээ», «хуухуу», «шуушуу»);

жена младшего брата отца – учиквээ (др. назв. «увумээ»);

старшая сестра отца – найнивээ (др. назв. «найникээ», «да гуу»);

муж старшей сестры отца – найначаа;

младшая сестра отца – гуувуу (гуугуу);

муж младшей сестры отца – гууеэ;

старший брат матери – наажил хикачаа;

жена старшего брата матери – наажил хикэвоо;

младший брат матери – наочоо;

жена младшего брата матери – эмвун наочоо;

старший брат: 1) акаа – родной старший брат, другие старшие родственники; 2) аг (-э) – старший по возрасту;

жена старшего брата – бэргэн;

младший брат – дэу;

жена младшего – брата дэу бэри;

родные братья – турсэн аг дэу;

старшая сестра: 1) экээ – родная старшая сестра; 2) экэчи;

муж старшей сестры: 1) аоши; 2) аошээ – употребляется младшими по возрасту родственниками жены

младшая сестра - уен дэу (др. назв. «угин дэу»);

муж младшей сестры – дэу хургун;

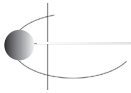
родные сестры: 1) экир дэу; 2) экэчи дэу [10, с. 1–3, 72–73; пма].

Семья у дауров была моногамной, хотя имелись случаи привода в дом вторых жён. Причиной была бездетность в первом браке или рождение только девочек. В таких семьях домашними делами заправляла первая (старшая) жена, вторая (младшая) была фактически бесправна. Ранее вторыми женами становились дочери рабов (на даур. яз. «ватиг»), являвшихся в основном представителями других народов – эвенков, китайцев.

При заключении брака соблюдался принцип патрилинейной экзогамии. В XX в. имели место внутриродовые браки при отсутствии общих родственников до пятого поколения.

По закону о браке, принятом правительством КНР в середине XX в., разрешались браки внутри рода и подрода. Даурское общество в целом негативно восприняло нововведения, в районе Бутха наблюдались протесты старшего поколения дауров, ещё в 1930-х гг. дауры Цицикара наложили запрет на браки внутри подрода. Запрещались браки между родственниками. Хотя у дауров, как и у бурят [2, с. 93; 4, с. 133], сохранялась такая разновидность ранней формы брака, как односторонний кросс-кузенный брак, когда юноша женился на дочери брата матери (на даур. яз. указанная двоюродная форма родства обозначается термином «таараалээ»). В редких случаях девушка могла выйти замуж за сына брата матери. Данная форма брака не приветствовалась, т. к. родители супругов имели одинаковое кровное происхождение по отцовской линии. Женитьба на племяннице – дочери тётки по отцовской линии была также нежелательной и называлась «обратным браком» (на кит. яз. «hui tou hun»), часто приводила к рождению умственно отсталых и ослабленных детей. Браки между двоюродными братьями и сестрами, являющимися «булээли» (дети сестёр матери), были редки, основным требованием была принадлежность супругов к разным родам. Если юноша относился к роду мэрдэн (сокр. «Мэн»), а его тётка – сестра матери, была замужем за мужчиной из рода мэрдэн, в этом случае юноше запрещалось жениться на дочери тети. Редкостью были браки, когда родные братья из одной семьи женились на родных сёстрах другой семьи. Близнецов-юношей родители старались женить также на близнецах-девушках. Существовало поверье, что в ином случае у близнецов мужского пола будет короткая жизнь [11, с. 8].

Сватовство и свадьба в прошлом устраивались родителями юноши. Провести предварительный сговор и обряд сватовства могли также старейшины рода, к которому принадлежала семья. Однако в большинстве случаев роль посредника в сговоре выполнял «созо» (др. назв. «шöзö») – «человек, предварительно ведущий переговоры с домом невесты, потом посыльный настоящего свата» [1, л. 69]. Обычно юноша и девушка были примерно одинакового возраста. По традиции девушки могли выйти замуж только в нечётные годы жизни, например, в 17, 19 или в 21 год [9,

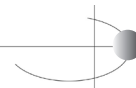

с. 37]. Семьи предполагаемых супругов находились в дружбе и хорошо знали друг друга. Когда родители юноши были согласны на заключение брака, посылали в дом родителей девушки посредника «созо». Он сообщал, что «такой-то человек [имеется в виду отец юноши – Ц. Б.], принадлежащий к такому-то роду, клану, хочет взять вашу дочь в невестки для своего сына. Характер у этого сына очень хороший, родители и все родственники живут хорошо» [1, л. 1–2]. И в заключение краткой речи испрашивал согласия родителей девушки. Если согласие было получено, отправляли в дом невесты свата или сваху «джаучи». Слово, вероятно, имеет одно происхождение с бурятским «зуурши» – сваха [2, с. 124]. В качестве свахи могла выступить близкая родственница или хорошая знакомая семьи девушки. Прибыв в дом родителей девушки, сваха сначала спрашивала: «прежде к вам приходил "созо" от такого-то человека, и вы ведь дали своё согласие?». После подтверждения родителей, сваха доставала приготовленную заранее водку, разливала в две чарки и, поставив их рядышком на блюдо, подходила к родителям и кланялась им. Затем подносила блюдо с чарками отцу девушки. Тот брал одну чарку и, следуя обычаю, выпивал её после традиционных уговоров свахи. Другую чарку сваха подносила матери девушки. Если в доме находились дед и бабка и старейшины рода, то сваха обязательно подносила им чарки. Когда все выпивали, считалось, что семья девушки выразила своё согласие. Сваха тотчас кланялась, тем самым, закрепляя данный сговор.

После сватовства родители жениха начинали готовить подарки – «чанта», предназначенные для семьи невесты. «Чанта», вероятно, можно определить как одну из разновидностей калыма, особенностью которого было подношение не только скотом, но и пищей. На подготовку подарков уходило около 1 месяца [1, л. 3–4]. Количество и виды скота, пищи варьировались у разных групп дауров. Подношение подарков у хайларских дауров состояло из двух этапов: 1) «чанта антабэй» («попробовать, отведать подарки»); 2) «чанта идэбэй» («есть, кушать подарки»). Во время первого этапа семья юноши пригоняла к дому родителей девушки несколько голов лошадей и крупного рогатого скота, предназначенных

для приобретения предметов приданого невесты [8, с. 108]. По одним данным, «чанта» включал лошадь, корову, девять упитанных свиней или пять овец [11, с. 9]; по другим, в него входила одна лошадь – двухлетка, корова, специально заколотые свиньи или бараны, гуси [1, л. 5]. Прочную супружескую связь символизировало дарение коня с уздой. Корова, принесённая в дар, обязательно была дойной, что рассматривалось как возмещение молока матери невесты во время её младенчества. Праздничную пищу обязательно привозили в повозке, которой управлял один из старших родственников жениха. Она включала варёный бараний крестец, пироги «ват», несколько видов печений – «нари чинтэй утум», «ширгээл» (печенье в виде счастливой ленты в восемь драгоценностей); «хоролго», другие виды сладостей, пенки, водку [8, с. 108; 1, л. 3–4]. На угощение семья невесты приглашала близких родственников. Спустя некоторое время проводился второй этап «чанта», на проведение которого родители жениха выделяли несколько голов овец, «котел» молочных пенек, «стол» пирогов «ват», вышеперечисленные виды печений, сладости, водку. Жених приезжал с родителями и родственниками, кланялся родителям девушки, деду, бабке, старейшинам. В свою очередь те дарили ему деньги, знакомили с родственниками. Невеста в это время отсутствовала, находилась в месте, где её не мог увидеть жених. После угощения стороны выбирали день свадьбы.

За месяц до свадьбы жених приезжал к невесте с подарком (что-либо из женской одежды) и одеялом. Они вместе кушали молочную кашу «лаль» или специально приготовленную лапшу. С ними могла принимать пищу и женщина, у которой были и мальчики, и девочки. Одну-две ночи пара проводила вместе, затем юноша возвращался домой. Этот пример приобщения жениха к семье и роду невесты своими корнями, вероятно, уходит в эпоху матриархата, как и старинная легенда, повествующая о том, как однажды после женитьбы юноша пошел жить в дом невесты. По некоторым данным, ситуация изменилась лишь в последние века, когда девушка стала уезжать в дом жениха [9, с. 42]. В целом, можно отметить схожесть некоторых элементов предсвадебных обрядов с це-

ремониями бурят из цикла «һаал хүргэхэ» [2, с. 128–133; 4, с. 135–136; 7, с. 217–218]

В день свадьбы невеста вместе с приданным в сопровождении отца и матери, родственников, друзей, отправлялась в дом жениха в крытой повозке. Невесту у хайларских дауров сопровождали восемь человек, в их числе были родители невесты, сваты – «денщики», сваты – «проводники» [8, с. 109]. Согласно терминологии свойства, они именовались в следующем порядке: «да хуад» (главный сват), «жиег хуад» (второй сват), «гутаар хуад» (третий сват), «ходжоор хуад» (младший сват). Сваты, соответственно, назывались «да ходво», «жиег ходво», «гутаар ходво» и «ходжоор ходво» [11, с. 11]. Все сваты и сваты прибывали в повозках, невеста и самая молодая из сватий – «ходжоор ходво», сидели в отдельной двухместной повозке. Верхом на лошади ехал лишь «ходжоор хуад». После прибытия гостей один из родственников жениха проводил их в западную комнату дома, где усаживал, сообразуясь с их рангом, степенью родства и возрастом. Невеста сходила с повозки, прикрыв лицо красным шелковым платком. В целом, свадьбу (на даур. яз. «хурин») также называли «хулан байта» (досл. «красное дело», на кит. яз. «хун-ши»). Две женщины поддерживали её с обеих сторон, не давали ступить на землю, под ноги стелили ковры и, таким образом, заводили в дом [инф. Мэн Суочжу]. Как только она переступала через порог дома, ей давали отпить чашку молока и проводили в западную половину дома, где усаживали на южной стороне кана, повернув лицом к окну. Одна из женщин невесток снимала платок, закрывающий лицо девушки, и вместе с другими невестками делала прическу [11, с. 11]. Этот обычай «открывания лица» отличался у разных групп дауров. У цижикарских дауров кто-нибудь из мужчин – родственников жениха откидывал палочкой на крышу дома красный платок, закрывающий лицо невесты. По обычаю хайларских дауров, невеста, зайдя в дом, садилась перед очагом и свекор снимал платок [инф. Мэн Юйшан]. Аналогичный обычай прикрытия лица невесты встречался у некоторых групп южных монголов; по данным Г. Р. Галдановой, у закаменских бурят лицо невесты прикрывалось дохой-плащом

из тонкого сукна красного или коричневого цвета [3, с. 122].

После начала свадебного пира, невеста совершала поклоны родителям жениха и его старшим родственникам. Отец жениха произносил традиционное благопожелание, в котором можно выделить следующие выражения: «...у нас есть сын с луком, у вас дочь со стрелой, ... с этой стрелой в руке я желаю вам, новой семье, чтобы вы были так же чисты как наконечник стрелы, так же решительны как оперение [стрелы], так же прямы, как древко [стрелы], так же близки друг к другу как жернова... пусть у вас родится дочь, которую вы дадите замуж, и пусть родятся семь сыновей...». Заметим, что стрела играла заметную роль и в свадебных обрядах некоторых групп бурят, эвенков [2, с. 140; 4, с. 136–137; 7, с. 178, 212]. Отец невесты так же желал новобрачным счастья, гармонии в отношениях, быть почтительными к старшим и добрыми к младшим, чтобы их союз был честным, а юноша стал хорошим охотником. На следующий день, по некоторым данным, проводились игры (скачки, борьба) и танцы; по другим, сторона невесты на следующее утро ела пельмени и уезжала. Когда родственники невесты отъезжали на некоторое расстояние, за ними вдогонку на коне отправлялся жених. Он требовал вернуть украденные чашки и блюда. Действительно, некоторые гости тайно брали с собой несколько предметов кухонной утвари: блюда, чашки и др. Существовало поверье, что в данном случае девушка не расторгнет брак. Жених позволял родственникам невесты сохранить несколько предметов «украденной» утвари. Похожий обычай, только связанный с послесвадебным угоном скота существовал и у бурят [2, с. 159; 7, с. 215]. У хайларских дауров после окончания свадебного торжества [вероятно, оно завершалось в тот же день – Ц. Б.] невеста вместе со всеми выходила во двор и провожала родственников. Тем же вечером в дом к молодожёнам приходили два человека, один из них являлся родственником жениха, второй – невесты. Они, отмечая рождение новой семьи, давали новобрачным две чарки водки, связанные красной нитью. Затем застилали им постель [8, с. 109]. После отъезда родственников невеста исполняла обычай угощения родителей мужа табаком.

По прошествии трёх дней после свадьбы невеста вместе с остальными невестками посещала дома старейшин селения и близких родственников. Невеста совершала поклоны и подавала чарки с водкой. В течение месяца или через три дня после свадьбы девушка на два-три дня уезжала к своим родителям [инф. Мэн Суочжу].

Разводы у дауров были редки, и относились к ним неодобрительно. Даурская поговорка гласила: «На месте, где прочитано письмо о разводе, три года не растёт трава». Несчастливая пара обычно разводилась в случае, когда у них не было детей. В случае развода супругов, имеющих совместных детей, они всегда оставались в семье отца [5, с. 669]. Вдовам, имеющим детей, не позволялось вступать в брак, и они оставались в семье мужа. Бездетные вдовы могли повторно выйти замуж после окончания траурного периода. У дауров существовала форма левирата, когда после смерти младшего брата, старший брат мог жениться на его вдове. Младшему

брату, в случае смерти старшего, подобная женитьба была запрещена. В целом обычай замены умершего мужа братом существовал у бурят, монголов и многих других народов.

Обращение к некоторым вопросам семьи и брака у дауров позволяет нам сделать заключение, что в XIX – первой половине XX вв. в даурском обществе были сильны патриархально-родовые традиции, оказывавшие большое влияние и на брачные нормы народа. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что брачные обряды дауров отличались сложностью и многообразием; у некоторых групп, например хайларских дауров, свадебная обрядность имела свои особенности. Свадебные церемонии и обряды дауров обнаруживают некоторое сходство с аналогичными традициями монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, в частности бурят, монголов, эвенков, что, вероятно, объясняется былыми этнокультурными взаимосвязями этих народов.

Список литературы

Источники

Мэн Суочжу, 1934 г. р., даур, род мэрдэн, патронимическая группа чонлоо, алакчаан айл, с. Баян-Тала эвенкийского автономного хошуна АРВМ КНР.

Мэн Юйшан (Хас-Уул), 1951 г. р., род мэрдэн, патронимическая группа чонлоо, нэргигэнчэн айл, г. Хулун-Буир АРВМ КНР.

И Сун, 1960 г. р., даур, род онон, патронимическая группа кайкоо, г. Хухэ-хото АРВМ КНР.

Тумуртэй, 1936 г. р., даур, род говол, уршиг айл, г. Нантун эвенкийского автономного хошуна Хулун-Буирского аймака АРВМ КНР.

Литература

1. Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. № 145. Оп. 1. № 1–17 (фонд Б. И. Панкратова).
2. Басаева К. Д. Брак и семья у бурят. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1991. 192 с.
3. Галданова Г. Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1992. 173 с.
4. Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 1986. С. 131–159.
5. Народы Восточной Азии / под ред. Н. Н. Чебоксарова, С. И. Брука, Р. Ф. Итса. М.: Изд-во АН СССР, 1965. 1025 с.
6. Поппе Н. Н. Дагурское наречие: материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тану-Тувинской Народной Республики и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 6. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1930. 182 с.

7. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2004. Т. 1. 508 с.
8. Хандсүрэн Ц. Дагуурын заншлын тухай тэмдэглэл // Түүхийн судлал. Studiahistorica institute historiae academiae scientiarum reirublicae populi mongolici. Tomus X. Fasc. 8. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академиин Хэвлэл, 1974. С. 105–111.
9. In search of China's minorities / by Zhang Weiwen and Zeng Qingnan. Beijing: New world press, 1993. С. 37–42.
10. Namčarai. Mongγol, *dayur*, *qitad töröl sadun-u dayudalya-yin toli*. *Kökeqota*: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriγ-a, 1992. 2618 с.
11. Stuart K., Li Xuewei and Shelear. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore // Sino-Platonic Papers. Number 60. December, 1994. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994. 208 p.

Статья поступила в редакцию 17.03.2012 г.